

Глава 12

Утром у него дважды закружилась голова.

Хотя он съел конфеты и ему стало немного лучше, Линь Цзао всё равно чувствовал слабость и ломоту во всём теле.

Он был словно не в своей тарелке.

Это было похоже не на низкий сахар, а скорее на простуду.

Линь Цзао не стал медлить, нашёл ртутный градусник и измерил температуру.

Тридцать семь и девять.

Небольшой жар.

Последние несколько дней он постоянно бегал по дому в пижаме и босиком.

А сегодня утром, вспотев, он ещё и простоял у открытого окна больше десяти минут.

Наверняка тогда и простудился.

И надо же было этому случиться именно сейчас.

Линь Цзао прижал руку ко лбу, убрал градусник и достал из запасов матерчатую маску.

Ему-то ничего, перетерпит.

Главное, чтобы Сяобао не заразился.

У детей иммунитет слабый, одна простуда может выбить из колеи.

И хотя в доме были лекарства, лучше было обойтись без них.

Надев маску и фартук, Линь Цзао, чувствуя, что сил на готовку нет, просто налил в рисоварку побольше воды, чтобы сварить жидкую рисовую кашу.

Каша из рисоварки, конечно, получалась не такой вкусной, как сваренная на плите, с

постоянно помешиванием, — вода и рис разделялись, а зёрна не разваривались.

Но так было быстрее и проще.

Линь Сяобао был непривередлив и с аппетитом ел всё, что готовил папа.

Пока каша варилась, Линь Цзао открыл окно на кухне и выкопал из цветочного горшка два кусочка имбиря.

Кухня выходила на теньевую сторону, подоконник был широким, а снаружи стояла решётка.

Фу Чэн поставил там несколько больших горшков и посадил лук и имбирь.

Когда мыли посуду, заодно и поливали.

А когда нужно было что-то приготовить, достаточно было просто протянуть руку.

Линь Цзао помыл имбирь, достал нож и доску и несколькими ударами раздавил его, чтобы выделился сок.

Поставив кастрюльку на плиту, он залил имбирь холодной водой и оставил медленно вариться.

Он не любил пить лекарства и не хотел тратить их зря.

Небольшой жар, можно сначала выпить имбирного отвара, пропотеть, а там видно будет.

Через двадцать минут каша сварилась, и отвар тоже был готов.

Жидкая, клейкая рисовая каша была вкусна и с хрустящей свиной стружкой, и с солёной консервированной рыбкой.

Линь Сяобао, уплетая за обе щёки, съел две большие тарелки.

У Линь Цзао аппетита не было, но он заставил себя съесть полмиски.

После завтрака Линь Сяобао вымыл контейнер, в котором вчера ужинал Фу Чэн, а Линь Цзао налил туда оставшуюся кашу.

Как обычно, они вдвоём спустились вниз, чтобы отнести еду Фу Чэну.

Но на этот раз...

Линь Сяобао шёл рядом с папой, держа руки наготове.

Храбрый малыш Сяобао был готов в любой момент поймать падающего папу!

Линь Цзао обернулся, встретился с его встревоженным взглядом и не сдержал улыбки.

Скрывая лицо за маской, он изогнул брови и погладил сына по голове.

— Не волнуйся, папа в порядке, больше не упадёт.

— Папа, и ты не волнуйся, — серьёзно сказал Линь Сяобао. — Я сегодня много съел! У меня сейчас столько сил, что я точно смогу тебя удержать!

— Ладно, — кивнул Линь Цзао, подыгрывая ему. — Тогда, Сяобао, будь добр, защити папу.

— Папа, не волнуйся!

Разговаривая, они подошли к кладовой.

— Папа, я отнесу еду большому папе!

Линь Сяобао подбежал к окну и попытался залезть на скамейку.

Но...

Он подпрыгнул, ухватился за край скамейки и повис в воздухе.

Он дрыгал ногами, изо всех сил пытаясь подтянуться.

Вперёд! Ещё немного! Давай!

Скамейка была слишком высокой, он не мог залезть.

Чёрт! Он не верил! Нужно было стараться ещё сильнее!

Линь Цзао схватил его за капюшон с медвежонком и поставил на землю.

— Когда подрастёшь, тогда и будешь помогать папе.

— Ладно.

Линь Сяобао надул губы и обиженно кивнул.

Он так много съел, почему же он не вырос?

Вот бы стать таким же высоким, как папа, — папа одним движением ноги забирается на скамейку.

Или как большой папа — большому папе даже скамейка не нужна, он на цыпочках дотягивается до подоконника.

Несправедливо!

Тем временем Линь Цзао залез на скамейку.

В последнее время Фу Чэн постоянно спал, поэтому Линь Цзао, не став его будить, просто открыл окно.

Но в следующую секунду в тёмном углу...

Мелькнули два красных огонька.

Фу Чэн резко поднял голову, его острый, неприкрытый взгляд был устремлён на лицо Линь Цзао.

В кладовой было темно, а у Линь Цзао и так кружилась голова, поэтому он ничего не разглядел, решив, что Фу Чэн всё ещё спит.

Фу Чэн же, скрываясь в тени, слившись с темнотой, отчётливо видел Линь Цзао.

Худощавый юноша в простой белой маске, из-под которой виднелись лишь покрасневшие, усталые глаза.

Он выглядел неважно.

Как увядшая роза, как больной котёнок.

И он выглядел очень...

Аппетитно.

Белая, стройная шея, тонкие, изящные запястья почти светились в темноте.

Аромат, пьянящий, дурманящий, один укус — и сладость наполнит рот, наверняка очень вкусно.

Линь Цзао, не замечая его горящего взгляда, как и вчера, опустив голову и глаза, потянул за верёвку, поднимая корзину.

Он не знал, что это движение ещё больше обнажает его аппетитную шею и запястья.

Он не знал, что Фу Чэн, скрываясь в углу, едва не ломает себе зубы и пальцы.

— Как вкусно пахнет этот человек.

— Ещё бы, это мой Сяо Цзао! Как он может не пахнуть?

— Вкусный, этот человек наверняка очень вкусный.

— Не смей! Не смей есть моего Сяо Цзао!

— Очнись, твой Сяо Цзао — и мой тоже!

— Сяо Цзао вкусный, но Сяо Цзао больно, поэтому нельзя есть Сяо Цзао.

Мозг, атакованный вирусом зомби, был в полном хаосе.

Фу Чэна разрывало на две части.

Он и сам не понимал, о чём думает.

Он лишь чувствовал, как невыразимая печаль и боль наполняют его, казалось бы, бесчувственное сердце.

Но он не мог понять, отчего эта печаль — оттого, что он не может съесть этого нежного юношу, или оттого, что юноша болен, и его сердце болит за него.

Вирус зомби и человеческий разум.

Разум и звериный инстинкт, голод и любовь.

Всё смешалось в одно, породив в его душе первобытное, инстинктивное желание.

— Он любит этого юношу, очень любит!

Неважно как — укусить его, съесть.

Фу Чэн, притаившись в углу, облизнул окровавленные губы и провёл языком по отросшим, острым клыкам.

Словно волк, затаившийся в траве, он, не сводя глаз, следил за своей любимой добычей, готовый в любой момент броситься.

Он хотел повалить этого юношу на землю, впиться зубами в его шею, в его лицо.

Он хотел слиться с ним воедино.

В этот момент завтрак был доставлен.

Линь Цзао закрыл окно и повернулся, чтобы уйти.

Фу Чэн вскочил и бросился вперёд.

Движение хищника, набрасывающегося на добычу!

В тот же миг...

Линь Цзао спрыгнул со скамейки, и Фу Чэн, промахнувшись, ударился о стену.

Добыча ушла.

Фу Чэн опустил голову и молча уставился на розовый контейнер в форме сердца, который оставила ему добыча.

Помолчав, он отвернулся.

Чтобы добыча приносила ему еду? Что за унижение?

И контейнер этот уродливый, не будет он есть!

В следующую секунду Фу Чэн вернулся, схватил контейнер, прислонился к стене, привычно открыл крышку и принялся есть.

Ещё как будет! Это же еда от его жены!

Отнеся завтрак, Линь Цзао с сыном вернулись наверх.

Имбирный отвар на плите уже остыл.

Имбирь, который посадил Фу Чэн, был старым, и его острый запах чувствовался даже на лестнице.

Линь Цзао налил себе чашку, но, сделав один глоток, поморщился от горечи. Его глаза покраснели, и на них навернулись слёзы.

— Кх-кх... нет, слишком горько...

Кашляя, он махал рукой, пытаясь отогнать горький привкус.

Линь Сяобао встал на цыпочки, чтобы похлопать папу по спине, но не достал.

Он лишь с тревогой спросил:

— Папа, ты в порядке?

— Ничего... — Линь Цзао поставил чашку, принёс банку с тростниковым сахаром, добавил две ложки и размешал.

Сахар растворился, отвар стал коричневатым, и запах уже не был таким резким.

Линь Цзао сделал глоток и кивнул.

Вот теперь можно пить.

Линь Сяобао, прижавшись к папе, с облегчением вздохнул, увидев, что тот больше не кашляет.

Он вытянул шею, пытаясь заглянуть в чашку.

Не разглядев, он с любопытством спросил:

— Папа, насколько горько?

— Очень.

— Горьче, чем острые палочки?

— Это другое... а? — спохватился Линь Цзао и посмотрел на него. — Ты когда успел тайком съесть острые палочки?

— Хм... — Линь Сяобао моргнул и невинно посмотрел на папу. — Никогда.

— Правда? — с сомнением спросил Линь Цзао. — Малышам нельзя врать.

— Это большой папа меня угостил! — поспешно ответил Линь Сяобао.

— Тогда накажем большого папу! — стиснул зубы Линь Цзао.

— Поддерживаю! — решительно кивнул Линь Сяобао.

— Хочешь попробовать? — спросил Линь Цзао, сделав ещё глоток. — Я тебе налью.

— Угу! — закивал Линь Сяобао. — Хочу! Хочу!

Острое, наверняка вкусное.

Как бульон от лапши быстрого приготовления или острого супа.

— Договорились, этот отвар очень острый, и острота не такая, как у острых палочек, а гораздо сильнее. Я налью тебе полчашки, но ты должен выпить всё, не оставлять.

— Без проблем!

Линь Цзао улыбнулся и налил ему в маленькую чашку немного отвара.

Имбирь согревает, в такую холодную погоду детям полезно выпить немного, чтобы не простудиться.

— Держи, — он протянул ему чашку. — Аккуратно.

— Хорошо, — Линь Сяобао радостно взял чашку и заглянул внутрь. — Так мало! Я за один глоток выпью!

— Немало, ты сначала выпей, потом добавлю.

— Ладно, — Линь Сяобао поднёс чашку к губам. — Папа, до дна!

— До дна, — улыбнулся Линь Цзао и коснулся своей чашкой его.

Линь Сяобао надул губы и припал к краю чашки.

Вкусный острый супчик, я иду!

— А... а!

В следующую секунду Линь Сяобао широко открыл рот, так что стало видно его красное горло.

— Папа, огонь! Я выпил огонь!

Он поставил чашку и, обхватив голову руками, забегал по комнате.

Словно щенок, которому наступили на хвост.

— Я выпил огонь, и он горит у меня во рту! Воды! Нужно потушить огонь!

Вздохнув, Линь Цзао поставил свою чашку, подошёл к сыну, зажал ему нос и влил в рот немного тёплой воды.

— Пей медленно. Пополощи рот.

— Буль-буль-буль...

— Лучше? — спросил Линь Цзао. — Ещё хочешь?

— Папа... — Линь Сяобао, обессилен, упал ему на руки. — Правда очень остро.

— Ты скоро превратишься в острую палочку?

— Я уже превращаюсь в «острого малыша».

Выпив чашку имбирного отвара, Линь Цзао пропотел, и ему стало немного лучше.

Огромная куча продуктов, которую принёс Фу Чэн, всё ещё ждала своего часа. Немного отдохнув, Линь Цзао, взяв сына, принялся за работу.

Картофель и лук, которые долго хранились, не требовали особой обработки.

Их можно было просто сложить в мешки и поставить в угол, а когда нужно — доставать по несколько штук.

Вот только картошка любила прорасти, поэтому её лучше было хранить в тёмном и сухом месте.

Фу Чэн, таская мешки наверх, учёл это и сложил их в углу гостиной.

Капуста тоже хранилась хорошо. Но её всё же нужно было немного обработать.

— Эх! Эх!

Линь Сяобао, в маленьком фартуке и нарукавниках, на цыпочках, стиснув зубы, вытащил из мешка кочан капусты.

Кочан был размером с его голову.

Обняв капусту, Линь Сяобао, пошатываясь, подошёл к окну и положил её на пол, на солнечное место.

— Эх! Готово!

— Молодец, — показал ему большой палец Линь Цзао. — Сяобао — силач.

— Конечно! — Линь Сяобао упёр руки в бока. — Но...

Он с любопытством спросил:

— Папа, почему нужно класть капусту на солнце?

— Если капусту немного подсушить, — объяснил Линь Цзао, — то верхние листья высохнут и защитят внутренние, и капуста будет храниться дольше. Мы с большим папой в детстве часто помогали сушить капусту.

— Хм... — Линь Сяобао склонил голову набок и, не до конца поняв, кивнул.

— Давай, продолжай, нужно всю капусту вынести на солнце.

— Хорошо!

Линь Сяобао побежал обратно и взял ещё один большой кочан.

Линь Цзао потянул за мешок с капустой, но не смог сдвинуть его с места, и ему пришлось, как и сыну, таскать кочаны по одному.

Лучше всего было бы сушить капусту на крыше.

Но сейчас было особое время, и если кто-нибудь, увидев их на крыше, поймёт, что у них много еды, это может привлечь ненужное внимание.

Поэтому Линь Цзао решил сушить капусту дома, у окна, выходящего на солнечную сторону.

Погода сегодня была неплохая.

Для сушки капусты не нужно было яркое солнце и много времени.

Главное — переворачивать её, чтобы каждая сторона подсохла, а верхние листья стали мягкими и эластичными.

Они вдвоём таскали капусту туда-сюда.

Примерно через полчаса два мешка капусты были аккуратно разложены у окна, словно на параде.

Линь Цзао, стоя на месте, оглядел их капустные владения, хлопнул в ладоши и вытер пот со лба.

Линь Сяобао принёс две маленькие скамеечки и поставил одну за спиной папы:

— Папа, садись.

— Хорошо, — обернулся Линь Цзао. — Спасибо, Сяобао.

— А что мы теперь будем делать?

— Отдыхать, — сел Линь Цзао. — И заодно переворачивать капусту.

— Я сам!

Они сидели перед кучей капусты, каждый со своим термосом — большим и маленьким.

Линь Цзао пил имбирный отвар, Линь Сяобао — тёплую воду, и они вместе с капустой грелись на солнце.

— Папа.

Вдруг позвал его Линь Сяобао.

— М? — обернулся Линь Цзао. — Что такое?

— Нас двое.

— Что? — не понял Линь Цзао. — Да, нас двое, ты и папа.

Подумав, Линь Цзао понял, поставил термос, развёл руки и сложил их перед собой.

— А, мы — два кота, два кота, которые стерегут капусту, мяу-мяу-мяу! Правильно?

— Неправильно, — опустил голову Линь Сяобао и тихо сказал. — Большой папа один.

Линь Цзао замер, улыбка сошла с его лица.

— Мы вдвоём таскали капусту, и то так устали. А большому папе, чтобы привезти столько

капусты, было, наверное, ещё тяжелее.

— Да, — поджал губы Линь Цзао. — Поэтому...

Он взял Линь Сяобао за руку:

— Мы не должны растрачивать труд большого папы. Мы должны хорошо сохранить капусту, папа приготовит из неё вкусные блюда, мы всё съедим, и она превратится в наши мышцы и энергию!

— Точно, — Линь Сяобао вскочил со скамейки и поднял руку. — Папа, не волнуйся, большой папа, не волнуйся, я буду очень стараться есть!

<http://bllate.org/book/16977/1583020>